

СОБРАНИЕ НЕИЗДАННЫХЪ СОЧИНЕНИЙ
К. Д. УШИНСКАГО.

1364-452

030

МАТЕРИАЛЫ

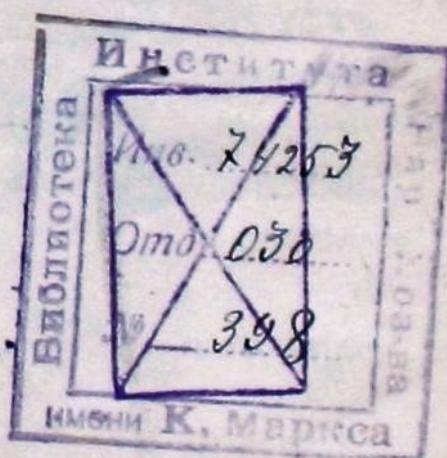
для

Педагогической Антропологии

т. III

10р

И МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ.

С.-ПЕТЕРБУРГъ.
Книгопечатня Шмидтъ, Звенигородская 20.
1908.

МАТЕРИАЛЫ

ДЛЯ БИОГРАФИИ

К. Д. УШИНСКАГО.

Дневникъ, относящійся къ университетскимъ годамъ.

Ноября 8-го 1845 г.

Мнѣ кажется, разрушивъ Римское государство и принявъ его гражданскія формы (*jus civilis*), христіанство и германцы развили начало индивидуальной, политической свободы человѣка: первая—съ духовной стороны, вторая—со стороны жизненной. Эти два новыхъ начала сохранили всѣ римскія формы, вложивъ въ нихъ новый духъ. (Доказать невозможность развитія въ Римѣ).

Прочесть Calanedi: «Исторія римского права въ средніе вѣка».

Ноября 10-го.

Церковь, при существовании империи восточной, заходитъ не въ свою область: она получаетъ много привилегий, но привилегій гражданскихъ,—въ духовныя дѣла мѣшаются императоры. Только съ появленіемъ на поприщѣ исторіи элемента германскаго, церковь принимаетъ дѣятельность, ей свойственную: она ограничивается областью духовнаго вліянія; но освоеніе ея съ этою областью совершается долго въ исторіи. И, какъ всякий духовный элементъ, религія охватываетъ сперва

человѣка видимыми формами. Съ такой точки зрењія должно смотрѣть на всѣ гражданскія и политическія привиллегіи, ко-торыя пріобрѣла церковь въ средніе вѣка.

Ноября 13-го.

Приготовлять умы! разсѣивать идеи!.. Вотъ наше назна-ченіе. Мы живемъ не въ тѣ годы, чтобы могли дѣйствовать сами. Отбросимъ эгоизмъ, будемъ трудиться для потомства! Какъ отцы, отдадимъ себя трудамъ и страданіямъ, безплод-нымъ для насъ, плодовитымъ для дѣтей нашихъ. Соберемъ неизсякаемая сокровища, которыя пусть расточать наслѣдники наши. Рано еще дѣйствовать! Пробудимъ требованія, укажемъ разумную цѣль, откроемъ средства, расшевелимъ energiю,— дѣла появятся сами...

Не будемъ спѣшить, побуждаемые эгоистическою жаждою вкусить отъ плодовъ дѣлъ нашихъ! Тихо, покорно будемъ нести гнетъ, отъ которого избавимъ нашихъ потомковъ. Предупре-димъ бѣдствія перелома. Будемъ трудиться надъ постройкой чуднаго зданія, которому внуки наши дадутъ свое имя, истин-ныхъ творцовъ котораго никто и никогда не узнаетъ. Прене-брегая насмѣшками, вытерпѣвая гоненія, жертвуя всѣмъ: сча-стьемъ забытія (въ которомъ теперь такъ немногіе живутъ), наслажденіемъ семейства, почестей, славы, богатства,— не убѣгая туда, где живутъ счастливѣ,—отказавшись совершенно отъ самого себя,—работаемъ для потомства!

Велика тогда будетъ наша роль, велико назначеніе!

Въ потѣ лица, въ пыли презрѣнія, подъ знѣйными лучами пекущаго солнца, рискуя жизнью, бросать сѣмена въ землю, зная, что никогда не увидишь жатвы, и все-таки работать до конца жизни,—страшное бытіе. Отдать все потомкамъ, которые заб-будутъ и имена наши, не ждя награды ни на землѣ, ни на небѣ,—знать это и все-таки отдать имъ и жизнь свою,—ве-лика любовь къ истинѣ, ко благу, къ идеѣ! велико назначеніе!..

Трудъйшая, безславнѣйшая доля въ массѣ трудовъ человѣчества—лучшая доля, величайшая доля!..

14-го ноября.

Распредѣленіе дней:

Понедѣльникъ. Встать въ 4 часа утра.

Работать для экзамена { 5 » »
 6 » »
 7 » »
 8 » »
 9 » »

На урокъ { 10 » »
 11 » »

Всѣ нужныя дѣла 12 ч. дня.

Обѣдъ и отдыхъ { 1 » »
 2 » »
 3 » »
 4 » »
 5 » »

Читать для ума { 6 » »
 7 часовъ.
 8 »
 9 »

Думать о чѣмъ-нибудь дѣльномъ { 10 » »
 11 » »
 12 » »

Читать что-нибудь нужное 7 часовъ.

Писать въ журналъ *), готовить { 1 » »
 2 » »
 3 » »
 4 » »

для урока. { 5 » »
 6 » »
 7 » »

Отдыхать { 8 » »
 9 » »
 10 » »

Спать { 11 » »
 12 » »

13 » »

14 » »

15 » »

16 » »

*) Какъ видно изъ послѣдующаго изложенія (именно отъ 20 января 1845 года) журналомъ называется «Дневникъ». Изд.

		5 часовъ.
Вторникъ.	Встать, одѣться и читать для ума . . .	6 » 7 » 8 » 9 »
Для экзамена, ъхать въ библіотеку или дѣлать выписки дома. . .		10 » 11 » 12 »
Обѣдать, отдыхать и немного эсте- тиki		1 » 2 » 3 »
На урокъ		4 » 5 » 6 »
Писать въ журналъ и письма, гото- вить для уроковъ.		7 » 8 »
Отдыхать.		9 »
Спать въ.		10 »
Среда	какъ понедѣльникъ, кроме ъзды въ библіотеку.	5 часовъ.
Четвергъ		6 » 7 » 8 » 9 »
Пятница.	Заниматься для себя	10 » 11 »
Урокъ		12 »
Отдыхать и обѣдать.		1 »
Заниматься для экзамена . . .		7 » 8 »
Журналъ и проч.		9 »

		5 часовъ.
Въ субботу. Заниматься для	6	»
для экзамена	7	»
	8	»
	9	»
для себя	10	»
	11	»
	12	»
Обѣдать и отдыхать.	1	»
	2	»
Заниматься.	3	»
	4	»
	5	»
	6	»
Урокъ	7	»
	8	»
	9	»
Спать	10	»
Воскресенье. Заниматься	6	»
	7	»
	8	»
	9	»
По домашнимъ дѣламъ или въ	10	»
гости	11	»
	12	»
	1	»
	2	»
	3	»
	4	»
	5	»

Читать	6 часовъ. 7 » 8 » 9 »

16-го ноября.

Нечего писать, кромъ того, что я не исполнилъ всего предписаннаго. О! волю надо укрѣплять! Пусть въ моемъ внутреннемъ государствѣ все повинуется ей безпрекословно, — все, кромъ ума, этого вѣчнаго закона, неизмѣннаго! Онъ одинъ долженъ быть свободенъ отъ всякаго принужденія, повелѣвать всѣмъ, не повиноваться ничему, кромъ самого себя, т. е. быть совершенно свободнымъ. Это — не человѣкъ съ прихотями и страстями, — нѣтъ: это основной законъ, развивающійся изъ самого себя. Гдѣ бы то ни было, когда бы то ни было, меня не застало его повелѣніе, — я долженъ низойти до самого источника воли: туда, гдѣ она одна присутствуетъ, творящая, — гдѣ нѣтъ судьбы; туда, куда такъ трудно проникать непривычному, — куда восходилъ я (по такъ рѣдко!), — туда, гдѣ лежать неистощимыя силы, зародыши всѣхъ величій, всего творчества (силы творческой, не матеріи). Туда-то я долженъ низойти и выйти оттуда побѣдителемъ надъ всѣми страстями — безстрастiemъ, лѣнностью, приличіями — надъ всѣмъ, но — съ предписаніемъ ума. Иначе отворять двери этой сокровищницы сколько полезной, столько и страшной, — будетъ безумнымъ, противозаконнымъ бунтомъ. А если только прихоть, раздражительность, своееволіе, упрямство, нетерпѣливость сломять эти двери, то — бѣда: разрушится стройное государство.

Когда-нибудь, любезная Любознательность, я постараюсь описать вамъ покороче внутренность этой сокровищницы и богатства, тамъ собранныя; а теперь я такъ не долго оставался, и при томъ былъ такъ обнятъ укрѣпляющимъ жаромъ ея, что спѣшилъ скорѣе выйти.

18-го ноября.

Для русской статистики: Georgi: «Geographisch-physische und naturhistorische Beschreibung des Russischen Reichs» Königsberg, 1797—802. Максимовича и Щепатова: «Географический словарь Русского Государства». Всееволскій: «Description geographique et historique de l'empire de Russie» Москва 1813 и 1833 (второе издание). Wichmann: «Darstellung der Russischen Monarchie in statistisch-politischen Beziehungen» Leipzig 1813. Ewers und Maitz: «Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte». «Russland und das Russische Reich», Берлинъ, 1819. Hassel: «Vollständige Erdbeschreibung des Russischen Reichs in Europa nebs Polen, und einer Einleitung zur Statistik des Russischen Reichs». Веймаръ, 1821 г. Это 11-я книга «Des grossen Weimarschen Handbuchs des neusten Geographie». Erdmann: «Beiträge zur Kenntniss des Intern von Russland» 1826 г. Schnitzler: «Essai d'une statistique générale de l'empire de Russie» 1829. «Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands». Издание Блумъ-Буни-Фридлэндеръ (1833—34 годовъ). Очень важное для русской статистики.

Къ путешествіямъ принадлежать: Палласъ: по разнымъ русскимъ провинціямъ (въ 1768—73 годахъ). Его же: по горнымъ областямъ (1793 — 94 года), его же топографическое изображеніе Тавриды. Engelhart und Parrot: «Reisen in die Krim und den Kaukasus» 1815. Adolf Ermann: «Reise und die Erde durch Nordasien» (1828—30). «Guldenstad-Klaproth - Ledebur» («Гюльденстадъ - Клапрохъ - Ледебуръ») для Азіатской Россіи. Очень много важныхъ извѣстій о внутренности Европейской Россіи въ 1-й части.

Меня теперь совершенно занимаетъ планъ, который, если я его приму, долженъ опредѣлить цѣль всей моей жизни: именно—написать исторію такъ, какъ я ее понимаю. Давно

эта мысль, подъ различными формами, вертѣлась въ моей головѣ, но никогда такъ отчетливо, такъ ясно она не являлась въ моей головѣ.

Два года тому назадъ, проявившись съ такою силою, эта мысль превратилась бы во мнѣ въ рѣшеніе; но теперь я потерялъ уже безотчетную вѣру въ постоянство своихъ цѣлей и въ неизмѣнность своихъ силъ; но зато чему я вѣрю въ себѣ,—въ то вѣрю постояннѣе. Конечно, этотъ трудъ достаточенъ, чтобы наполнить много жизней,—но угадалъ ли я свое направленіе? Въ немъ ли я найду успокоеніе? Не лѣпость ли только гонить меня отъ поприща фактической дѣятельности? Не былъ ли бы я для нея способнѣе? Не сдѣлалъ ли бы я для Россіи больше здѣсь, нежели написавъ исторію? Доставить ли она что-нибудь незрѣлому народу? Вотъ вопросы, которые долженъ я разрѣшить въ слѣдующихъ дняхъ. И еще: станетъ ли у меня внѣшнихъ средствъ предаваться постоянно и долго этому занятію, не обѣщающему никакого вознагражденія?

Въ библіотеку: въ понедѣльникъ, среду и пятницу. Номера рѣдкихъ книгъ: Гегель — 617-й, статистика Шуберта—398, Савинъ—84-й.

22-го ноября.

Тщеславіе, тщеславіе должно задавить въ себѣ! Ну, къ чему я разсуждалъ съ Осиповымъ? И какъ глупа и смѣшна была эта моя самохвальная выходка! Какъ унизительно пошла отвѣтная улыбка на его вопросъ? И что это за правило, если только сидишь съ человѣкомъ, непремѣнно говорить съ нимъ? Что за нужда болтать безъ желанія высказать свои мысли, безъ желанія узнать мысли другого, безъ желанія убѣдить? Вѣдь не все ли тебѣ равно, съ какими мыслями ни останется этотъ человѣкъ? И притомъ ты вѣдь зналъ навѣрное, что ни онъ, ни ты не убѣдите словами другъ друга. Просто-на-просто, корень этой глупой болтовни лежитъ въ мел-

комъ, щекотливомъ самолюбіи, задѣтомъ тѣмъ, что его не замѣчаютъ. А потомъ, когда ему не удается споромъ обратить на себя вниманіе—Боже милосердный, на какія аферы онъ тогда подымается, какія выкидываетъ отвратительно-смѣшныя штуки, на какія ходули становится! И раздувается, и пыхтить, и вретъ, и... горячится, и охаетъ, и проклинаетъ... Прочь! мимо! гадкая сторона души человѣческой!..

25-го ноября.

Въ чёмъ упрекаютъ нашъ вѣкъ? Въ недостаткѣ энергіи, въ эгоизмѣ, въ безцвѣтности? Откуда же взялась эта непреодолимая скука, когда все въ человѣкѣ молчатъ, кромѣ одного требованія—дѣятельности? Это—вѣрные симптомы перемѣны, а вы—скучающіе эгоисты, равнодушные ко всему,—вы безпрестанно просящіе новаго и новаго у той стороны души, которая все вамъ отдала, сама сдѣлалась нищею, умерла уже? Вы мучимые безсмертнымъ началомъ требованія жизни—движенія. Вы—жертва этой революціи духа! Близка перемѣна: она начинается, она уже началась! Борьба—тягостная, долгая,—борьба ума съ чувствомъ, съ добродѣтелями, съ пороками, съ предразсудками, съ природою—кончается, кончилась уже въ возможности, и одного только условія не достаетъ для дѣйствительности,—условія пустого, условія всегда готоваго времени.

Напрасно вы, проклинающіе міръ, закрылись непроницаемою мантіею величія,—напрасно стараетесь внушить человѣчеству, что тамъ-то и есть причины этихъ неистовыхъ проклятій. Мы сорвемъ ее! Зачѣмъ срывать? Мы такъ увѣрены, что подъ нею скрывается ничтожество, что съ презрѣніемъ пробѣжимъ мимо васъ, смѣшныхъ и жалкихъ, и оставивъ васъ указывать песчаныя мели въ нашемъ вѣчномъ стремленіи по безграничному морю вѣчности. Или—нѣть! мнѣ жаль васъ! Долой ваши широкополыя шляпы! Прочь черные, таинствен-

ные плащи! Кончилась ночь. Вы спите, когда все вокругъ васъ уже движется! Проснитесь, заря занимается!..

Скука... что такое скука? бесплодный насильтственный сонъ души, изъ котораго она безпрестанно усиливается выйти, и эти-то усилия тиранять васъ, ея тирановъ. Что жъ, развѣ все уже извѣдано въ мірѣ, намъ данномъ? Развѣ ужъ мы остановились у цѣли или утомились, ища ее? Нѣть, самое требование движения, пожирающее васъ, доказываетъ противное. А вотъ и причина вашей муки! Вамъ жаль прошлаго, невозвратнаго, потому что оно теперь никуда не годится, потому что оно, ложное, отринуто умомъ. Вамъ жаль вашихъ чувствъ, вашихъ сердечныхъ движений,—вамъ жаль обмана! Поневолѣ умъ вырвалъ васъ изъ этого бесплоднаго эгоизма,—и вы проклинаете умъ! Тѣло ваше отдало все, что было у него,—вы мучите истощенное, двигаете, рвете мертвое тѣло, требуя новыхъ даяній и страдая отъ глада и жажды, проклинаете умъ!

Вы умираете отъ голода, отвергая имъ подаваемую богатую пищу и питье, дающее бессмертье,—пищу и питье, отъ нихъ же кто вкусить, не возжаждеть, не возлечь, не умреть!.. Вы задыхаетесь въ тѣснотѣ, межъ тѣмъ какъ умъ открываетъ вамъ двери въ чудную область. Вы напрасно порываетесь разорвать оковы вашего безсилія, а умъ даетъ вамъ свободу, говоря: «слѣдуй за мною!»...

Эгоизмъ... Что такое эгоизмъ? Это — состояніе человѣка, когда любовь къ самому себѣ превышаетъ въ немъ всѣ другія чувства. Что жъ тутъ дурного? Что жъ здѣсь такого, что бы заслуживало презрѣнія, насмѣшекъ, проклятій? Гдѣ, какимъ закономъ запрещается любить самого себя? Проклинаемъ эгоизмъ—сами же эгоисты, и проклинающіе, въ этомъ отношеніи, равны проклинаемымъ. Подлость — начало, источникъ всѣхъ этихъ проклятій, его посылаютъ обыкновенно люди, оскорбленные равнодушіемъ къ ихъ чувствамъ, страстямъ, желаніямъ. А въ этихъ-то чувствахъ, въ этихъ-то желаніяхъ и

скрывается эгоизмъ всегда, въ какихъ бы сферахъ они ни находились, въ материальныхъ или въ идеальныхъ, хотя бы въ сферѣ такъ называемаго высокаго самопожертвованія. Не отыскивай въ душѣ человѣка источника эгоистического чувства: всѣ чувства эгоистическія, всѣ!..

Всѣ они требуютъ награды въ другихъ ли, въ самихъ ли себѣ!.. Вы, высокій человѣкъ во мнѣніи толпы, жертвуете жизнью изъ любви къ отечеству. Вы, презрѣнныій въ глазахъ людей, жертвуете тѣмъ же изъ любви къ золоту. И оба вы дѣлаете то, что вамъ пріятно; и оба вы правы въ своихъ дѣйствіяхъ. Оба вы равны въ чувствахъ, не равны только въ сферѣ ихъ движеній,—не равны только въ идеяхъ прекраснаго: для одного она — золото, для другого — отчество. А съ неравенствомъ идей у насъ всѣ мирятся,—никто его не проклинаетъ. Эгоизмъ единое только чувство, какъ вы ни дробите его, единое въ скучѣ, и въ героѣ,—и, кроме эгоизма, нѣть чувствъ въ душѣ человѣческой и, проклиная эгоизмъ, вы проклинаете всѣ чувства и обвиняете его безсмысленно въ томъ, что онъ уничтожилъ чувства. Итакъ, глупость, одна глупость—источникъ вашего терзанія, а вы проклинаете умъ!..

Эгоизмъ — единое существующее, бессмертное, а потому правое чувство, если его только можно назвать чувствомъ. Но эгоистомъ можетъ быть, долженъ быть только одинъ умъ. Въ умѣ только эгоизмъ будетъ высочайшимъ эгоизмомъ,—умъ только имѣеть право на него; въ умѣ только онъ будетъ высочайшей добродѣтелью, и въ глупости и во всемъ осталномъ только онъ является порокомъ. Одинъ только умъ имѣеть право любить себя, потому что нечего уже любить ему, потому что нѣть ужъ ничего выше! Любовь ума къ уму (эгоизмъ ума)—законъ нерушимый, вѣчный, истинный! И въ умѣ эгоизмъ не есть уже чувство (умъ не имѣеть чувства): въ умѣ это—законъ требованія развитія! Въ умѣ же и средства удовлетворить этимъ требованіямъ. Это—жизнь ума; въ немъ же и пища для этой жизни.

Итакъ всѣ чувства ложны, всѣ временны. Они умираютъ. Оставьте ихъ, не тревожьте: пусть они почють съ миромъ! Не отъ сердца ли, не отъ куска ли мяса вы хотѣли вѣчной жизни?.. Оставьте,—пусть гніетъ! Землю—землѣ!..

Но что же мы называемъ умомъ? Не есть ли расчеты выкладки эгоиста человѣка съ чувствами? Нѣть это—не умъ, это—отсутствіе ума, это—глупость. И подумайте сами, что можетъ быть глупѣе жертвовать безконечнымъ—конечному, неоцѣненнымъ—настоющему никакой пѣни! И что можетъ быть неестественнѣе: заставить господина служить работнику? Что можетъ быть безсмысленнѣе платить золотомъ за фальшивую монету, употреблять умъ для потѣхи чувствъ, духъ отдать въ слуги матери! Нѣть! Довольно! Умъ долго былъ работникомъ, и чувства не платили ему ничего; но теперь—заплатили, всѣмъ обѣщали до нельзя, и, не будучи въ силахъ сами поддержать себя ни одной минуты,—платятъ, наконецъ, своею жизнью. Они стонутъ черезъ уста поэтовъ въ своихъ предсмертныхъ мукахъ; а умъ—плебей не нуждается ни въ чемъ и топчетъ ихъ, не замѣчая... Вотъ та благодѣтельная, великая революція въ духовномъ мірѣ, слѣды которой повсюду, во всѣхъ явленіяхъ, поражаютъ горемъ слабыя души. Пойдемъ теперь на поле битвы, заглянемъ во всѣ сферы, гдѣ совершается эта побѣда ума: въ жизнь общественную, въ жизнь домашнюю, въ жизнь индивидуальную, въ религию, поэзію, въ художества, въ науку. Вездѣ мы найдемъ эту революцію въ разныхъ формахъ,—и вездѣ увидимъ торжество плебея—ума, вездѣ услышимъ стоны погибающей аристократіи—чувств.

3 Декабря.

Поутру, часовъ 8—9. Я чувствую такъ себя здоровымъ, какъ никогда. Грудь моя дышитъ свободно; сердце ходить легко; голова свѣжка; какая-то полнота, гибкость, самонаслажденіе во всемъ тѣлѣ. Теперь я чувствую сладость бытія, безъ при-

мѣсій всѣхъ другихъ обстоятельствъ. Если бы вся жизнь проходила такъ, то можно бы жить однимъ тѣломъ... Это—особое до сихъ поръ еще мнѣ незнакомое чувство... Какъ! ни одного непріятнаго ощущенія во всемъ тѣлѣ, и полная жизнь во всякой точкѣ его! Чудное ощущеніе!..

— Реестръ, что я прочиталъ отъ 25 августа(пріѣздъ мой въ Москву) до нынѣшнаго дня 1844 года 8 декабря:

1) Томъ Дальмона «Исторія Англійской Революції».

Сдѣлалъ выписки.

2) Моріарти Оконель—Брошюра. Сдѣлалъ выписки.

3) Stein: «Municipal—ferfassung Frankreichs». Брошюра.

4) Аксильонъ 1 томъ.

5) Іезуиты. Лекціи Мишеле и Кипе 1 томъ.

6) Eichhom: «Deutsche Staats - und Rechtsgeschichte».

4 тома.

7) Hegel: «Geschichte des Philosophie». 1-й и 2-й тома.

8) Савинъи: «Исторія Римскаго права въ средніе вѣка».

6 томовъ.

9) Августина Тіери—всѣ сочиненія—1 томъ in quarto.

10) Guizot: «Cours d'histoire moderne». 6 томовъ.

11) Святославичъ—романъ Вельтмана 1 томикъ.

8 Декабря.

Вчера, измученный нетерпѣливымъ ожиданіемъ брата, я не могъ заниматься; зато сегодня всталъ, я думаю, часа въ 3,— и радъ: чудесно заниматься поутру: всѣ движенія духа какъ-то сильнѣе, всѣ обороты его какъ-то явственнѣе, — и я могъ самъ наблюдать надъ собою.

Что-то, пріѣдетъ ли сегодня братъ?

9 декабря.

Утро. Сегодня моя голова какъ-то встревожена, и внимание потеряно энергию. Причина: одна—физическая, глупая;

другая—нравственная: меня разстроила ссора Ваньки съ хозяиномъ. Какъ я еще не привыкъ къ жизни! Такая ничтожная вещь можетъ произвести на меня вліяніе... Кажется, чѣмъ больше я осваиваюсь въ мірѣ духовномъ, тѣмъ болѣе отвѣкаю отъ практической жизни. Неужели я никогда не буду въ силахъ помирить эти двѣ стороны? Но это, можетъ быть, и оттого, что вообще ссора, какая бы она ни была, производить во мнѣ какое-то отвращеніе, смѣшанное со страхомъ. Мнѣ какъ-то всегда дѣлается страшно за всякое человѣческое чувство. А между тѣмъ, когда оно уже оскорблено, когда оно уже возстало, то оно можетъ увлечь меня своимъ порывомъ далѣе границъ благоразумія. Или это какая-то лѣнность, нежеланіе души предаваться чужому вліянію, дѣйствовать по волѣ обстоятельствъ, или это можетъ быть, просто трусость; но тогда она не имѣть никакого основанія,—ибо это чувство я испытываю и тогда, когда дѣло до меня совершенно не касается и не можетъ имѣть для меня никакихъ послѣдствій.

Нетерпѣливое ожиданіе брата какъ-то укротилось во мнѣ, утомилось...

Еще замѣтка, повторенная мною уже 100 разъ. Зачѣмъ спорить съ тѣми, отъ которыхъ ты напередъ увѣренъ, что не найдешь въ нихъ ничего, выше своего убѣжденія, и что ты ихъ ни въ чемъ не убѣдишь, или нѣть никакой пользы убѣждать ихъ?..

Вчера въ библіотекѣ я встрѣтился съ Морошкинымъ. Какъ заколыхалось мое глупое сердце! Чего? Зачѣмъ? само не знаетъ... Онъ спрашивалъ, что я хочу дѣлать? Такъ что же? Странное дѣло: я убѣженъ, что я дѣлаю хорошо и стыжусь, боюсь показать другимъ то, что я дѣлаю! Корень этого тотъ, что я ненавижу искательства и что я трепещу, чтобы меня не сочли за человѣка чего-нибудь ищущаго. А между тѣмъ, какъ ни благородно мое стремленіе, кажется, что въ немъ есть порядочная доля тщеславія. Вчера я узналъ, какъ тяжело высказать свои требованія...

10 декабря.

Сегодня мнѣ пришла прекрасная идея о творчествѣ,—творчествѣ изъ ничего. О томъ, что человѣкъ лишенъ ея, лишенъ не по одному произволу, случаю, а потому, что не можетъ ею обладать по ограниченности ума; что всеобъемлемость ума есть вмѣстѣ и творчество,—одно и то же, что творчество. Развить это посредствомъ гипотезы; что если бы человѣку было дано творчество, творчество первоначальное, самобытное, элементарное, такое, когда представить человѣка единымъ въ мірѣ, безъ слугъ и безъ исполнителей?..

10 декабря.

О КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДАХЪ.

Это самое стройное и въ то же время самое богатое по послѣдствіямъ явленіе въ средніе вѣка. Въ то самое время, когда Европа вся разбилась на самые мелкие куски, лишилась почти всякаго, даже племенного единства, сдѣлалась собраніемъ безчисленнаго множества феодальныхъ владѣній, не имѣющихъ между собою почти никакихъ сношеній, кромѣ непріязненныхъ,—въ то время—говорю я—ее всю увлекаетъ добровольно одно и то же предпріятіе, имѣющее одну и ту же цѣль. Но потомъ черезъ два вѣка, когда тѣло Европы, разрѣзанное на мелкие феоды, начинаетъ соединяться, оживать общею жизнью, когда цѣль крестовыхъ походовъ могла быть достигнута вѣрнѣ, когда средства стали известнѣе (въ началѣ 13 вѣка),—они не могутъ уже составиться—и ни возванія папы, ни предпріятія честолюбцевъ не могутъ уже подвинуть ко гробу Христа тотъ народъ, который еще такъ незадолго неудержимо рвался туда. Откуда такое общее стремленіе во время разъединенія Европы? Откуда такая апатія противъ общаго предпріятія,—когда она начала соединяться?..

Здѣсь не было постороннихъ вліяній: это необходимое раз-
витіе одного и того же факта.

Продолжать завтра поутру: сегодня моя голова какъ-то
ужасно лѣнива.

Найти меня можно отъ 11 часовъ до 4 или въ универси-
тетской библіотекѣ, или въ «Великобритані» (студенческій
трактиръ, напротивъ университета).

20 января 1845 г.

Оканчивая въ тебѣ послѣднее слово, думалъ ли я такъ
надолго покинуть тебя, мой бѣдный журналъ? Въ эти полтора
мѣсяца, чтобъ я сдѣлалъ во внутреннемъ и внѣшнемъ своемъ
мірѣ? Ничего, на чёмъ бы я могъ покойно остановить свое вни-
маніе. Я каждый день дѣлалъ такую кучу мерзостей, что, о
Боже! пошли мнѣ забвеніе!.. Духъ мой какъ будто заснуль,
ни однимъ движеніемъ онъ не напоминаетъ о своемъ суще-
ствованіи. Гордой самоувѣренности въ самостоятельномъ бы-
тіи, въ свою индивидуальность, въ самого себя, въ душу—
какъ будто не бывало. Я попрежнему мелоченъ, тщеславенъ,
брюзгливъ, золъ, нерѣшителенъ, трусивъ, лживъ, торопливъ,
легкомысленъ, лѣнивъ, сластолюбивъ,— попрежнему несча-
стливъ безъ страданій, попрежнему — ничтоженъ, попреж-
нему — игрушка минутныхъ, самыхъ пустыхъ случайностей!..
Боже! Боже! спаси меня!.. И во всемъ этомъ никто не вино-
ватъ, кромѣ меня. Научи меня, Духъ міра, поддержи, пробуди
меня! Позволь мнѣ опять созерцать тебя во мнѣ! Теперь я
для себя—ужаснѣйшій хаосъ, въ которомъ я ничего не могу
разобрать: такъ мелки, такъ отрывочны, такъ противорѣчави
другъ другу, такъ быстро и произвольно смѣняются положе-
нія. Теперь мое я подобно какой-то страшной безднѣ, изъ ко-
торой несмѣтными тучами поднимаются мелкія, гадкія насѣ-
комыя, и на днѣ которой царствуетъ пустота и утомительный
мракъ. Опять должно начать свое исправленіе. Каждый день

я опять начну бесѣдоватъ съ тобою, мой говорчива пріятель!..

РЕЦЕПТЪ.

- 1) Спокойствіе совершенное, по крайней мѣрѣ, виѣшнее.
- 2) Прямота въ словахъ и поступкахъ.
- 3) Обдуманность дѣйствій.
- 4) Рѣшительность.
- 5) Не говорить о себѣ безъ нужды ни одного слова.
- 6) Не проводить времени безсознательно; дѣлать то, что хочешь, а не то, что случится.
- 7) Издерживать только на необходимое или пріятное, а не по страсти издерживать.
- 8) Каждый вечеръ добросовѣстно давать отчетъ въ своихъ поступкахъ.
- 9) Ни разу не хвастать ни тѣмъ, что было, ни тѣмъ, что есть, ни тѣмъ, что будетъ.
- 10) Никому не показывать этого журнала.

Прочелъ «Histoire des Etats Europeens depuis du Congres de Vienne» par Beaumont-Vassy. Т. I. Бельгія и Голландія.

Погрѣшилъ противъ 1-го №, разгорячился на урокѣ невольно, но тотъ же часъ утихъ.

- 22-е. Ошибка противъ 5-го правила.
- 22-е. Погрѣшилъ противъ № 1. Бурчливость сдѣлаетъ изъ меня старую сварливую бабу.

23-е. № 1. Я такъ раскричался, будто у меня все погибло, и даже поколотилъ Ваньку за то, что у меня ноги болѣли. Вышло все понапрасну. Вотъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ моихъ пороковъ! Отъ четверга до слѣдующаго четверга и по-пробую не измѣнить ни разу правилу подъ № 1.

- 24-е. Не записывалъ.
- 25-е. Совралъ безъ нужды.
- 26-го. Ничего не записывалъ и ни противъ одного, кромъ сего, правила не согрѣшилъ.

Прочелъ: «Политическую экономію» Рау и половину «Rechtsalterthumer» Грима.

27-е. Ничего не написалъ. Тщеславіе разгулялось и нарушило два правила: 1-е и 9-е.

28-е. Не согрѣшилъ ни противъ одного — нѣтъ! нѣтъ!.. Сдѣлалъ самую глупую издержку: занялъ деньги за адскіе проценты, когда совсѣмъ было не нужно! Русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ!..

Прочелъ «Коринну» Madame Staële, и вѣроятно долго не забуду впечатлѣнія, произведенного на меня этою книгою.

29-е. Кажется, я сегодня не согрѣшилъ ни противъ одного изъ моихъ правилъ, но это должно быть оттого, что я сегодня никого не видаль, кромѣ моихъ учениковъ. Замѣчательно бѣденъ мой журналъ, ни одной мысли! Такой пустоты давно уже не было въ моей головѣ. Что за причина,—не знаю! Но можно ли насильно думать объ чемъ-нибудь? Можно ли по желанію и съ успѣхомъ направлять свое вниманіе на предметъ, выбранный произволомъ. Я думаю, что можно. Но для этого надобенъ навыкъ! Вниманіе можетъ быть пріобрѣтено навыкомъ. Попробую, выберу себѣ какой-нибудь предметъ для размышленія. Но какъ это трудно! У меня еще такъ мало знакомыхъ предметовъ. Я мало думалъ, хотя и много мечталъ; а между тѣмъ увѣренъ, что мысли могутъ развивать разсудокъ до безконечности, и постоянное мышленіе придаетъ уму способность схватывать предметъ со стороны разумной, т. е. съ такой, съ которой можно въ него углубиться, слѣдовательно даетъ самымъ мыслямъ глубину и логическую послѣдовательность. А мечта доводить насъ до самыхъ абстрактныхъ вопросовъ, въ которыхъ мы, наконецъ, теряемся, какъ въ безпредѣльномъ пространствѣ (гдѣ не на чёмъ остановиться взору, не на что упереться ногѣ). Не летать, а ползти суждено человѣку! И духъ нашъ, какъ и тѣло, не можетъ воспрянуть до небесъ, но можетъ строить безконечное зданіе. Какъ далеко,—

отдѣльно отъ насъ, представляется вѣчность и безпредѣльность! И трудно, несмотря на всѣ доказательства ума, свыкнуться съ мыслью, что мы ужъ теперь существуемъ въ бесконечности, въ безпредѣльности. А это такъ!..

30-е. Въ какомъ глупомъ положеніи я былъ сегодня! А все отъ этого странного желанія «занимать». Сегодня я такъ не кстати, такъ смѣшино влѣзъ въ родство къ Лнгв... И изъ не тщеславія... А между тѣмъ другой (какъ вѣроятно и случилось) могъ счасть меня за ужаснаго хвастуна; я, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ, совсѣмъ не хвасталъ. Болтать, болтать и вѣчно не думавши, безъ нужды болтать,—когда же это кончится? На этотъ порокъ должно обратить особенное вниманіе, и мнѣ теперь есть случай удерживаться отъ глупой болтовни. Посмотримъ!..

Прочиталъ «*Louis-Philippe et la contre-révolution de 1830*», par *Sartans jeune*—злой саркастикъ!.. Хорошаго короля нашли себѣ французы!.. Это—шекспировскій Ричардъ, только 19-го столѣтія!..

31-го. Ничего не записалъ.

1-го февраля.

Измѣнилъ первому и самому главному правилу — «спокойствію». Частью — отъ забывчивости, частью и нѣть!.. Враль!..

2-го. Я ничего не записалъ.

3-го. Сегодня день прошелъ въ занятіяхъ; но вечеромъ, на урокѣ у П., вошла madame П. и, посмотрѣвши на наше ученіе, вздохнула... Бѣдная мать!.. Этотъ вздохъ пристыдилъ меня. Мнѣ кажется, она поняла мое шарлатанство. Этотъ вздохъ пристыдилъ меня больше, нежели могли бы это сдѣлать самыя злые насмѣшки. Можетъ быть, онъ относился совсѣмъ къ другому,—но, по крайней мѣрѣ, она вздохнула о дѣтяхъ... И я ее обманывалъ. Надо сдѣлать, что можно, по крайней мѣрѣ. Шар-

латанъ! Проклятая бѣдность!.. Проклятое ничтожество характера!..

Шевыревъ: Богъ создалъ міръ, Гегель разрушилъ своею логикою и пируетъ на осколкахъ его, ловя идею, какъ прозрачъ...

Клеантъ (Kleantes): «Es geschieht auf der Erde ohne dich, Dämon, noch in dem aetherischen göttlichen Pol, noch im Pontus,—ausser was die Bösen durch ihren eigenen Unverstandhun. Du weist aber auch Ungerades gerade zu machen und ordnest das Ordnungslose, und das Feindliche ist dir freundschaftlich. Denn so hast du Alles zu Einem, das Gute mit dem Bösen zusammengeeint, so dass nur ein λόγος ist in Allem, der immer ist, den Die flichen, die unter den Sterblichen die bösen sind» *).

26го марта.

Я не гастрономъ и не могу имъ быть, и потому вкусный обѣдъ есть одна изъ моихъ мечтательныхъ надеждъ, которыхъ никогда мнѣ не даются и я съ этого времени бросаю попытку.

При моихъ безчисленныхъ порокахъ, какъ бы я долженъ былъ страдать, если бы страданіе могло пустить глубокіе корни. Но, къ счастью ли (а можетъ быть и къ несчастью), я скоро утѣшаюсь, и, наконецъ, я начинаю смотрѣть на тоску, раскаяніе,—на эти удушливыя минуты,—какъ на необходимые приливы и отливы, и—терпѣливо жду конца, не ищу утѣшения въ мысляхъ, и часто механически стараюсь разсѣяться...

*) „На землѣ ничего не совершается безъ тебя, божество, ни на эфирномъ божественномъ полюсѣ, ни у Понта—развѣ только то, что дѣлаютъ злы по своему собственному недомыслію. Но ты можешь сдѣлать нечеткое четнымъ, ты приводишь въ порядокъ беспорядочное и враждебное дѣлаешь дружественнымъ. Ибо ты такъ соединилъ все въ единое, добро со зломъ, что во всемъ есть только одинъ λόγος, который вѣченъ и котораго избѣгаютъ тѣ, которые злы среди смертныхъ“. Изд.

Да и къ чему бесплодное раскаяніе? Оно всегда еще смѣшнѣе, еще жалче самого поступка, въ которомъ мы раскаиваемся!.. Я, кажется, глупью. Ну, что же? слава Богу! Во мнѣ все еще останется довольно ума, чтобы жить весело и прилично.

Безконечные вопросы, неразгадываемыя загадки Бога человѣку меня больше не занимаютъ... Да и зачѣмъ? .

Новое правило, которое я, конечно, въ слѣдующій же разъ постараюсь не исполнить: никогда не просить кого-нибудь оставаться у себя, когда онъ хочетъ уйти, потому что я замѣтилъ, что, послѣ этого, разговоръ надувается и дѣлается скучнымъ для обѣихъ сторонъ. И это—всегда.

Что значать чужія насмѣшки, когда мы такъ привыкли къ насмѣшкамъ надъ самимъ собою?.. Скучно... Не шутя хочется умереть,—развязаться со всѣми этими дрязгами.

Отчего я не могу найти спокойствія, когда все уже мною осмѣяно, когда уже все меня такъ мало занимаетъ, когда я самъ, мои пороки, мое назначеніе и проч.—стали для меня скучнымъ избитымъ предметомъ?! Поистинѣ меня мало занимаетъ, чтѣ со мною будетъ и здѣсь, и тамъ .. Хочется умереть!..

Я не выдержу... я не буду держать экзамена на магистра: въ этомъ я почти убѣжденъ; но не хочу перемѣнять пути, не хочу ничего искать. Къ чему мучить себя? Мнѣ кажется, что вся эта глупая комедія скоро кончится... Какою прекрасною сдѣлалъ жизнь Творецъ, какъ я изгадилъ ее,—и теперь похожъ на человѣка, бѣгущаго отъ собственной своей вони... Всѣ мои желанія почти всегда удавались, но я никогда не желалъ того, чтобы было мнѣ пріятно и полезно... И я очень похожъ на рыбака, выбравшаго изъ трехъ исполненій, предложенные ему «духомъ», «колбасу», которую жена потомъ въ досадѣ прицѣпила къ его носу. Наконецъ онъ принужденъ былъ въ 3-емъ желаніи просять, чтобы она отвалилась.—Я точно также распорядился...

29-го марта.

Злодѣйство можетъ явиться: и подъ открытымъ небомъ, усыпанномъ звѣздами; и на берегу вѣчно шумящаго, безконечнаго моря; и на заоблачныхъ вершинахъ горъ; но мелкій, низкій, грязный порокъ не вынесетъ этихъ картинъ: ему мѣсто только въ нашихъ душныхъ, темныхъ комнатахъ...

Какъ наши представлениа слабы противъ существенности! Какая разница глядѣть на небо и воображать его! Только что успѣешь сомкнуть глаза, — какъ эта голубая безконечность сдвинется до опрокинутой чашки. Впрочемъ, я думаю, глядя часто и долго на небо, можно привыкнуть переносить его съ собою въ комнату, какъ переносимъ мы тьму предметовъ.

Глядя чувствующимъ взглядомъ на природу, сознаешь безсмысленную гордость людей, считающихъ себя единственными жильцами этого безконечнаго пространства, наполненнаго безчисленнымъ множествомъ міровъ... Я не вѣрю, я не могу вѣрить, чтобы тогда, какъ безсознательная половина міра такъ громадна, такъ полна божественнаго ума, другая сознательная его половина была бы такъ ничтожна, какъ человѣкъ!.. Для чего бы этотъ умъ, это величие, эти безчисленные міры? Нѣужели для того, чтобы вызвать нѣсколько нашихъ жалкихъ восклицаній, нѣсколько оборванныхъ умствованій? Нѣть, должны быть другія существа, выше человѣка; а для насъ довольно этого ничтожнаго шара, ползая на которомъ, мы считаемъ себя *обладателями безпредельного пространства*.

Физика, одна физика не могла создать этого чуднаго міра, а еще меныше — мысль, подобная человѣческой. Нѣть, это — живое существо! И мы — тоже живые органы его! Еще болѣе: мы сосуды души его! О! при этой мысли, всякое сомнѣніе, всякая боязнь отлетаетъ прочь, — и радость бытія и сознанія объемлетъ душу мою! Чувство вѣчности, сознательной вѣчности, — ты лучшее чувство въ душѣ человѣка! Но — увы! — моя

слабая природа не можетъ удерживать его долго. Подобно молніи, блеснетъ оно, подобно ей, разорвѣть мрачныя облака, покрывающія небо моей души, и, подобно ей, исчезнетъ быстро,—исчезнетъ—и снова мелкія, вседневныя, безсмысленныя заботы о чёмъ-то потянутся цѣлые дни и цѣлые годы, до новой бури и до новаго блеска,—до новаго восторга! Извѣнѣ, откуда-то съ неба прилетаютъ и эта мысль и это чувство ко мнѣ; а то можетъ ли она ужиться во мнѣ, вмѣстѣ со всякимъ хламомъ, которымъ набита душа моя, — какъ котомка ветошника?..

Гегель (Hegel): «Die Erziehung hat den Zweck, den Menschen zu einem selbstäudigen Wesen zu machen, d. h. zu einem Wesen von freiem Willen. Zu dieser Absicht werden den Kindern vielerlei Einschränkungen ihrer Lust auferlegt. Sie müssen gehorchen lernen, damit ihr einzelner oder eigner Wille, ferner die Abhängigkeit von sinnlichen Neigungen und Begierden, aufgehoben und ihr Wille also befreit werde». («Philosophische Propädeutik», § 21) *).

Человѣкъ гораздо меныше пріобрѣтаетъ отъ того, чему его хотятъ учить, нежели отъ того, чему не думаютъ учить его.

1-го апрѣля.

Ночью былъ громъ и молнія.

2-го апрѣля.

Что за удовольствіе, что за глупое желаніе занимать собою встрѣчнаго и поперечнаго! До какихъ глупостей и низо-

*) Гегель: „Воспитаніе преслѣдуєть цѣль сдѣлать изъ человѣка самостоятельное существо, т. е. существо со свободной волей. Для этого на дѣтей налагаются различные ограниченія ихъ удовольствія. Они должны научиться послушанію, чтобы ихъ отдельная или собственная воля, а также ихъ зависимость отъ чувственныхъ желаній и страстей, уничтожилась и такимъ образомъ эта воля стала свободной“ („Философская пропедевтика“ § 21). Изд.

стей доводить оно! О, молчать гораздо труднѣе, чѣмъ говорить! Этимъ порокомъ займусь я, особливо теперь, и постоянно буду давать себѣ въ немъ отчетъ. Мнѣ кажется, это происходитъ отъ неувѣренности въ собственной своей личности, отъ неуваженія къ себѣ.

Книги, которыя прочелъ: По политической экономіи: 1) Рай — 1 т., 2) Rossi — 1 т., 3) Сисмонди — 2 т., 4) «Исторія политической экономіи» Бланки—3 т., По финансамъ: 5) Якоби—1 т. По Государственному Праву: 6) Бельгійская революція—2 т., 7) «Іюльская революція» Саррана младшаго—2 т., 8) Гримма—«Rechtsalterthümer». 9) Германское право—Мауренбрекхера. 10) «Philosophische Propädeutik» Гегеля. 11) Боссера: «Sistem des Naturrechts». Изъ литературы: 12) «Коринна» Madame Сталь. 13) «Impressions de voyages» par A. Dumas—4 т. 14) Бомонъ-Васси—Бельгія и Голландія.

*) Вы вчера сказали, что причины явленія семейства такія: «Недостатокъ пола, потребность продолженія жизни и недостатокъ возраста». Съ двумя первыми нельзя не согласиться, но въ третьемъ кажется можно вамъ противорѣчить: недостатокъ возраста. Мнѣ кажется, что, излагая причины появленія семейства, мы должны имѣть передъ глазами первоначальное семейство,—семейство, какъ умъ еще, какъ идею, которая должна перейти въ дѣйствительное бытіе,—идею человѣка, которая имѣть всѣ условія, чтобы перейти въ дѣйствительность, реализоваться; и разматривая эту идею, мы, конечно, будемъ разматривать дѣйствительность, но снова же, какъ въ ея понятіи, а не какъ въ ея разнообразіи и случайностяхъ. Если такъ, то недостатокъ возраста и опекунство не могутъ быть признаны, наравнѣ съ двумя прежними, за основы семейства. Это будетъ сначала идти сверху, а потомъ снизу. И если мы признаемъ это, то мало ли еще какихъ случайно-

*) Это обращеніе заставляетъ предполагать, что весь отвѣтъ былъ направленъ по адресу одного изъ профессоровъ. Изд.

стей мы не должны будемъ признать. Такъ, напримѣръ, другія потребности дѣтей (имѣть состояніе, имя, мѣсто и прочее), которыя будуть всѣ вообще равны опекунству, которыя тоже въ интересѣ дѣтей. Но всѣ эти интересы, до существованія самыхъ дѣтей, существовать не могутъ. И человѣкъ не можетъ еще заботиться объ интересахъ тѣхъ, которые еще не существуютъ, а думаютъ только объ существованіи ихъ, и то, какъ о своемъ интересѣ. Опекунство же есть суррогатъ отеческой власти, при недостаткѣ ея; а этотъ недостатокъ въ голову устроившаго семейство входить не можетъ. Это есть случайность, которой подвергается явленіе семейства, и потому въ идеѣ его заключаться не можетъ.

Мнѣ кажется вы ошиблись въ словахъ и поставили недостатокъ возраста вмѣсто *потребности общественности*, которая, какъ мнѣ кажется, и есть третья, самая высшая, причина появленія семейства. Эта потребность, какъ и двѣ прежнія, есть тѣлесная (создалъ Богъ помощницу Адаму) и духовная. Первая — ясна сама собою и такъ употребительна въ жизни, что, произнеся слово «хозяйка», я могу обратиться ко второй.

Какъ въ природѣ множество ступеней развитія,—ступеней (регулированныхъ по способу проявленія идеи творенія), такъ и въ мірѣ духовномъ. Духовный міръ начинается человѣкомъ, какъ индивидомъ. Это — самая первая его ступень; потомъ слѣдуетъ государство, потомъ человѣчество, и оканчивается индивидуумъ же, но какъ индивидомъ, прошедшімъ черезъ всѣ эти ступени обобщенія, или лучше сознавать собственный свой духъ, какъ всемірный, и примирить съ нимъ свою индивидуальность, возвысивъ ее до всеобщаго. И потребность этого хода также существенно необходима: понудительно — для духовнаго человѣка, какъ потребность пола — для тѣлеснаго.

Но между этими ступенями: индивидомъ, государствомъ, человѣчествомъ, — есть еще безконечное множество другихъ,

которыя составлять непрерывный, незамѣтный переходъ для человѣка. Вотъ однимъ-то изъ такихъ переходныхъ моментовъ является и семейство. (Я говорю переходныхъ, не преходящихъ, такъ не преходить и община, сословіе, государство, союзъ, часть свѣта, но, не менѣе того, они всѣ переходные моменты. Сколько я могу понять, это переходженіе,—но не прехожденіе,—и есть развитіе).

Эта цѣль обобщиться выражается въ желаніи властвовать надъ семействомъ, отдельномъ отъ желанія передать ему свое имя, свои обычаи, нравы, положеніе въ свѣтѣ и прочее, которые входятъ въ потребность продолженія себя. Нѣть, это желаніе властвовать отдельно отъ нихъ, ибо, не расчитывая на будущее, ищетъ настоящаго. Оттого въ моментъ, когда человѣкъ еще не достигъ до государства, когда вся его дѣятельность, такъ сказать, скопилась въ семействѣ,—мы видимъ такія деспотическія семейства. Въ немъ находятся тогда, готовятся многіе элементы государства, которые потомъ на него и переносятся, и оттого-то, послѣ появленія государственности и съ развитіемъ ея, слабѣеть власть семейная, такъ какъ слабѣеть строгость государства, съ развитіемъ идеи человѣчества. Подъ словомъ слабѣеть,—вы, конечно, увѣрены, что я не разумѣю упадаетъ, а *) въ настоящее свое разумное положеніе, ибо элементы государственные, составившись въ семействѣ, находять себѣ изліяніе. Конечно, этотъ переходъ тоже постепененъ, и является развитіемъ. Доказатель такого перехода—римское семейство и римское государство, построенное по образцу римскаго семейства.

Вотъ эта-то потребность обобщенія, являющаяся потребностью власти и вмѣсть обязанностей, потребность расширения поприща для духа,—и есть та третья основа семейства, которая—я думаю—замѣнить вашу потребность опекунства, которое, какъ начало искусственное, случайное, послѣ-

*) Пропущено слово. Изд.

дующее, условное, я не могу внести въ идею семейства — идею Рazuma, котораго вторая сторона — Воля — готова его осуществить.

Если вы не соскучитесь и дочитаете до конца, то благодарю васъ за вниманіе, и прошу прощенія за кражу времени.

Отношеніе этихъ моментовъ между собою:

А) Моментъ, конечно, долженъ стоять потребность пола, потому что въ немъ болѣе тѣлесной потребности, хотя, конечно, созданной духомъ, и потому-то являющаяся такою живою — пластическою, и, при всемъ своемъ видимомъ разнообразіи, удивительно однообразною, какою мы и находимъ любовь — обыкновенный конекъ плохихъ поэтовъ и, конечно, всего доступнѣй для нихъ по своей тѣлесной сторонѣ.

Б) Моментъ — потребность продолженія себя — чисто духовный, потребность расширить свою личность во времени, въ противоположность первому, хотя и прямо рождается изъ первого. Изъ разложенія этихъ двухъ моментовъ сейчасъ уже чувствуется недостатокъ ихъ обоихъ, ихъ односторонность, какъ односторонность понятій пространства и времени, — примиряющихся въ дѣйствительности бытія. Вотъ эта-то дѣйствительность для этихъ двухъ моментовъ: А, В, какъ проявленій односторонности идей пространства и времени, и есть третій моментъ.

С) Моментъ — потребность общественности, въ которомъ соединены и духовный, и тѣлесный моменты, и расширеніе въ пространствѣ и расширеніе во времени соединяются въ едино — въ 3-й моментъ, который одною своею стороною касается семейства, другою — государства, — соединяетъ семейство съ государствомъ. Человѣкъ, поддерживаемый семеною физическою любовью, учится, какъ глава семейства, быть гражданиномъ государства. И, слѣдуя обыкновенному ходу историческому, начинаетъ съ одухотворенія самыхъ тѣлесныхъ, животныхъ явлений своей жизни.

14 апреля, 11 ч. вечера.

Vox populi, vox Dei!

Che'l volgare ignorante ogn'un riprenda *)

E parli piu di quel che meno intenda **).

Гласъ народа—глазъ Божій!

Безсмысленная чернь! глупая толпа! и пр.

14 апреля 1845 г.

Москва. Соболевъ переулокъ, домъ Мурашева. — Черезъ 20 минутъ раздастся колокольный звонъ, извѣщающій, что для вѣрующихъ Воскресъ Христосъ! Спаситель!.. Кто бы Ты ни былъ, я вѣрю Твоему Воскресенію! Помоги мнѣ сдѣлать все доброе, что я могу! Благослови дѣла мои, если они будутъ благи, отвергни злые! Не за себя молю, но за благо, которое могу совершить!.. Пойду на Бульваръ...

15 апреля.

Пошелъ въ Шереметьевскую церковь,—скоро ушелъ, и, глядя подъ темнымъ небомъ, усыпаннымъ звѣздами, на прекрасный, освѣщенный храмъ, полный народа, ждущаго входа священниковъ съ дивнымъ «Христосъ Воскресе!» Глядя на этихъ священниковъ въ блестящихъ ризахъ, стариковъ, возглашающихъ во мракѣ ночи Воскресеніе Творца безконечнаго неба, разстилающагося надъ ихъ головами,— я пла-
каль... Торжество истины меня растрогало глубоко! Давно этотъ праздникъ дѣйствуетъ на мою душу, но какъ различно всегда. О, Провидѣніе, дозволь мнѣ страдать и умереть за истину и умереть въ неизвѣстности!.. Но надо быть чистымъ, чтобы удостоиться такого великаго выбора. На алтарь истины чистую жертву приносить должно, а не мою грязную жизнь! Ничтожное созданіе!..

*) и **) Вторая и третья—поговорки изъ итальянского. Изд.

День пробродилъ. Пришелъ къ Ясинскимъ. Получилъ письмо отъ Лосьева. Невозможно, чтобы человѣкъ могъ такъ измѣниться, однако такъ и есть. Придя домой, засталъ записку Рѣдкина. Добрый человѣкъ, онъ не забылъ меня.

И вдругъ мнѣ стало такъ грустно... Сколько добрыхъ друзей у меня; но гдѣ они? Одинъ—за тысячу верстъ; другой—за двѣ; третій—еще далѣе, за стѣною приличій... Сколько добрыхъ друзей, и я одинъ!.. И если въ эту минуту смерть,—безславная смерть, достойная жизни,—подойдетъ ко мнѣ,—мнѣ некому будетъ сказать: прости!

Грустно—невыносимо грустно! Какое-то предчувствіе тяготитъ меня; но чего?—не знаю.

16 апрѣля.

Свобода воли—есть право. «Dasein des freien Willens ist das Recht. Es ist somit überhaupt die Freiheit, als Idee». (Гегель) *).

Кантъ. Die Beschränkung meines Freiheit oder Willkur, das ist mit jedermanns Willkur nach algemeinen Gesetz zusammen bestehen Können, das ist das Hauptmoment des Rechts».

«Die angeführte Definition (Kants) des Rechts enthält die seit Rousseau vornehmlich verbreitete Ausicht, nach welcher der Wille, nicht als an und für sich seiender vernunftiger, der Geist nicht als wahrer Geist, sondern als besonders Individuum, als Wille des Einzelnen in seiner eigenthümlichen Willkur, die substantielle Grundlage und das Erste sein soll. Vernünftige freilich nur als Beschränkung für diese Freiheit, so

*) „Существование свободной воли—право. Слѣдовательно, это—вообще свобода, какъ идея“. (По всей вѣроятности это означаетъ, что „свобода“ существуетъ только въ идеѣ).

wie auch nicht als immanent Vernünftiges, sondern nur als äusseres algemeines herauskommen (angeselen werden) *).

Абстрактное право (Гегель).

Право собственности, договоры и преступлений.

Основою абстрактного права есть Личность, лицо, Persona. Что есть личность? Въ личности содержится не только самосознание, сознание себя, какъ существа конкретного, чѣмъ-нибудь опредѣленного,—но какъ совершенно абстрактного Я, въ которомъ всякое конкретное ограничение und Gültigkeit отрицается und ungültig ist. Въ личности (Personlichkeit) есть познаніе (Wissen) о себѣ, какъ предметѣ, который посредствомъ мысли возвышенъ въ простую безконечность, въ абстрактъ (einfache Unendlichkeit), и черезъ то сдѣлался потомъ со мною тождественъ (und dadurch mit sich rein-ideutischen Gegenstandes).

1) Личность содержить вообще правоспособность и составляетъ понятіе (aus macht den Begriff) и самое абстрактное основаніе абстрактного, а потому формального права. И потому повелѣніе закона, или лучше сказать, запрещеніе, такое: будь лицомъ и не оскорбляй лица другихъ.

*) Кантъ: „Ограничение моей свободы или моего произвола, т. е. возможность, согласно всеобщему закону, состоять вмѣстѣ съ произволомъ всякаго человѣка, — это главный моментъ права“. „Выше приведенное опредѣление (Канта) права содержитъ мнѣніе, преимущественно распространившееся со времени Руссо, согласно которому воля есть не само по себѣ существующее, разумное, духъ, не истинный духъ, а особый индивидуумъ, воля отдельного человѣка въ его своеобразномъ произволѣ, субстанциальная основа и первенствующее начало. Согласно этому, разъ навсегда принятому, принципу, конечно, разумное (должно пониматься) только какъ ограничение свободы, и не какъ имманентно-разумное, а какъ виѣшнее, формальное, общераспространенное“.

Въ обѣихъ приведенныхъ цитатахъ есть, повидимому, неточности и пропуски, которые, къ сожалѣнію, невозможно было исправить, такъ какъ не указано, изъ какого изданія взяты цитаты.

2) Особенности (*die Besonderchkeit*) воли не содержатся въ абстрактной личности, какъ такой. Въ формальномъ правѣ нѣть дѣла до особенныхъ интересовъ, пользы и проче. Этимъ оно существенно отличается отъ морали, въ которой есть уже противоположность, ибо *я* есть отдельная (*Einzelnes*) воля, а добро (*Güte*) есть всеобщее, хотя оно есть во мнѣ самомъ. Здѣсь воля имѣеть различіе и обозначеніе (доброе—*Güte*). Въ отношеніи къ конкретнымъ дѣйствіямъ и моральнымъ и нравственнымъ отношеніямъ (*sittlichen*). Это абстрактное право является, слѣдовательно, только возможностью (*Möglichkeit*) и правное (*Bestimmung*) позволеніе (*Befugniss*).

Die beschlissende und unmittelbare *Einzelheit* *) лица относится къ *vorgefundenen Natur* **), противъ которой личность воли является субъективною, но для нея, какъ безконачного и всеобщаго, есть ограниченіе, которое сдѣлало бы ее только субъективною и ничтожною. То она является дѣятельностью, которая хочетъ дать себѣ реальность, или, что то же, это бытіе (*Dasein der Natur*) сдѣлать своимъ, усвоить его. Отсюда—*Eigenthum, Vertrag — und Verbrechen und Unrecht* ***). Изъ этого выходитъ безсмысліе раздѣленія права на личное и вещное. Всякое право есть личное и вещное.

23 апрѣля.

(Моль). Всякое учрежденіе, соотвѣтствующее духу народа, находить въ немъ отголосокъ, и всякое чуждое учрежденіе слабо.

Такъ какъ возможно полная гармонія государственной и народной жизни составлять крѣпость государства, то всѣ учрежденія, а слѣдовательно и полицейскія, должны быть народными и по ихъ направленію и по ихъ формѣ ****).

*) Законченная и непосредственная обособленность.

**) Къ созданному природою.

***) Собственность, договоръ и преступленіе и неправота.

****) Дневникъ оканчивается 1845 годомъ. Въ 1846 г. Ушинскій былъ